



Уильям Дэвис

ИНДУСТРИЯ СЧАСТЬЯ

Как Big Data и новые технологии
помогают добавить эмоцию
в товары и услуги



Москва
2017

УДК 159.9
ББК 88.4
Д94

The Happiness Industry:
HOW THE GOVERNMENT AND BIG BUSINESS SOLD US WELL-BEING
William Davies

First published by Verso 2015

© William Davies 2015

Дэвис, Уильям.
Д94 Индустрия счастья. Как Big Data и новые технологии помогают добавить эмоцию в товары и услуги / Уильям Дэвис ; [пер. с англ. К. Шашковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Top Economics Awards).

ISBN 978-5-699-85095-2

«Индустрия счастья» — блестящий взгляд на реалии современности. Компании, анализирующие подтекст наших твитов, сканирование эмоций с лица в общественных местах. Это всё очень увлекательно и позволяет задуматься: почему наше счастье — такая полезная информация для крупных организаций?

УДК 159.9
ББК 88.4

ISBN 978-5-699-85095-2

© Перевод. К. Шашкова, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается Лидии

О Г Л А В Л Е Н И Е



Предисловие	9
<i>Глава 1</i>	
Что чувствуют люди	19
<i>Глава 2</i>	
Цена удовольствия	43
<i>Глава 3</i>	
Хочу купить	69
<i>Глава 4</i>	
Психосоматический работник	97
<i>Глава 5</i>	
Кризис власти	125
<i>Глава 6</i>	
Социальная оптимизация	161

Глава 7

ПОДОПЫТНЫЕ КРОЛИКИ 190

Глава 8

О ПОЛЬЗЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ 216

БЛАГОДАРНОСТИ 243

ПРИМЕЧАНИЯ 245

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 262

ПРЕДИСЛОВИЕ

СМОМЕНТА УЧРЕЖДЕНИЯ, в 1971 году, ВСЕМИРНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО форума (ВЭФ) темы его ежегодных встреч, проходящих в Давосе, всегда служат верным показателем тенденций в сфере глобальной экономики. На эти встречи, которым посвящается несколько дней в конце января, приезжают руководители бизнеса, политические лидеры, представители общественных организаций и несколько равнодушных селебрити. Собравшиеся обсуждают важнейшие проблемы мировой экономики, и сильные мира сего, так или иначе, вынуждены обращать внимание на содержание и итоги данного форума.

В 1970-х годах, когда ВЭФ носил название Европейского форума менеджмента, его главной задачей было найти решение для такой проблемы, как снижение роста производства в Европе. В 1980-х его участников волновала дерегуляция рынка. В 1990-х на мировую экономическую сцену пришли инновации и Интернет, а в начале 2000-х, во время мощного экономического подъема, на форуме возник интерес к широкому ряду социальных проблем наряду с понятным, после трагедии 11 сентября 2001 года, желанием повысить безопасность. А в течение пяти лет после банковского краха в 2008 году главной целью встреч в Давосе стал поиск возможностей возвращения экономики на круги своя.

На встречах ВЭФ 2014 года рядом с миллиардерами, поп-звездами и президентами оказался не совсем обычный участник форума — буддийский монах. Каждое утро перед началом заседаний делегаты

имели возможность медитировать с ним и учиться расслабляться. «Вы не рабы своих мыслей, — уверял аудиторию мужчина в красно-желтом одеянии, водя пальцем по своему айпаду. — Один из способов не поддаваться их влиянию — просто смотреть на них... так же, как пастух сидит на лугу и смотрит на своих овец»¹. В этот момент тысячи мыслей о курсе акций и очередном подарке для своей секретарши паслись на ментальных пастбищах его слушателей.

Оставаясь верными принципам конкуренции, организаторы форума пригласили не простого апологета буддизма: этот человек в прошлом был французским биологом по имени Матье Рикар. Сейчас его можно назвать даже знаменитостью, ведь он переводит речи далай-ламы на французский язык и выступает на конференциях TED*, рассказывая о счастье. Он специализируется на этой теме, потому что известен как самый счастливый человек на свете. В течение нескольких лет Рикар участвовал в нейробиологическом исследовании Висконсинского университета, целью которого было выяснить, каким образом разные уровни счастливого состояния человека находят отражение в его мозгу. К голове каждого добровольца подключали 256 сенсоров и в течение трех часов записывали с них информацию. Глубокая депрессия соответствовала показателю + 0.3, а огромное счастье: -0.3. Результат Рикара составил -0.45. Исследователи впервые увидели нечто подобное. Сегодня этот буддийский монах с гордостью хранит на своем ноутбуке копию сертификата с упомянутым числом баллов, доказывающим, что он — самый счастливый человек на планете².

Присутствие Матье Рикара на встречах в Давосе, в 2014 году, стало показателем изменений, происходящих на рынке в последние годы. Форум превратился в разговоры о самоосознании, о способах релаксации, разработанных в соответствии с постулатами позитивной психологии, буддизма, а также с результатами исследований в сферах когнитивной поведенческой терапии и нейробиологии. Всего было проведено 25 семинаров на тему душевного и физического здоровья, а это в два раза превышает количество подобных мероприятий, проведенных в 2008 году³.

* Конференции TED (Technology Entertainment Design — Технологии, Развлечения, Дизайн, *англ. яз.*) — ежегодные конференции, посвященные «распространению уникальных идей». Проводятся с 1984 года в Калифорнии, США.

На семинаре под названием «Перепрограммируй свой мозг» рассказывали о последних методах улучшения работы мозга, а на семинаре «Здоровье — это деньги» обсуждались способы превращения хорошего самочувствия в капитал. Если учесть тот факт, что на форуме присутствовали самые известные бизнесмены и политические деятели, то становится понятным, почему на выставках в рамках форума различные компании, продающие девайсы, приложения и занимающиеся консалтингом, старались не упустить уникальную возможность продемонстрировать свои достижения в сфере «самоосознания» и борьбы со стрессом.

Пока что все кажется предельно ясным. Однако конференция вышла за рамки просто «разговоров на тему». Каждому делегату предоставили специальное устройство, которое он должен был носить на себе: благодаря соединению со смартфоном оно оценивало пользу каждого совершаемого человеком действия. Если его владелец мало ходил пешком или мало спал, прибор сообщал ему об этом. Таким образом, участники форума в Давосе смогли по-новому взглянуть на свой образ жизни и свое здоровье. Кроме того, им даже удалось заглянуть в будущее, поскольку приборы анализировали их поведение и делали выводы о том, каким образом оно повлияет на их разум и тело в дальнейшем. То, что раньше можно было узнать только после ряда исследований в специализированном институте, в лаборатории или госпитале, теперь вдруг стало доступным всего лишь после четырех дней ношения такого устройства.

Вот что теперь занимает умы нашей международной элиты. Счастье во всех его разновидностях является теперь не просто каким-то приятным дополнением к более важному делу, например к добыче денег, или какой-то моде нового столетия для тех, у кого есть достаточно времени, чтобы чудить и печь хлеб у себя дома. Будучи теперь чем-то, что можно измерить, увидеть и усовершенствовать, счастье проникло в цитадель мировой экономики. Если считать Всемирный экономический форум показателем тенденций (по крайней мере, в прошлом он всегда таковым являлся), то правомерно утверждать, что дальнейший успех капитализма зависит от нашей способности уничтожить стресс, депрессию и болезни, поставив на их место отдых, счастье и хорошее самочувствие. Теперь существуют методы, модели и технологии, помогающие всего этого достичь, их уже можно встретить на нашем рабочем месте или, скажем, на центральной улице, они проникают в наш дом и даже в наше тело.

Подобный образ мыслей распространен и далеко за вершинами швейцарских гор — в последние годы политики и менеджеры стали действительно находить его все более привлекательным. Ряд официальных статистических ведомств по всему миру, в том числе и в Соединенных Штатах, Великобритании, Франции и Австралии, регулярно публикуют отчеты об уровне «национального счастья». Некоторые города, например Санта-Моника в Калифорнии, самостоятельно инвестировали в проведение исследований, посвященных этой теме, на местном уровне⁴. Позитивная психология предлагает методы и решения, благодаря которым люди могут стать в своей повседневной жизни счастливее — скажем, научатся блокировать неприятные мысли или воспоминания. Идея о том, что некоторые из данных методов стоит практиковать в школах, была уже озвучена и даже применена на практике⁵.

Все больше корпораций нанимают людей, которых условно называют директорами по счастью, а в компании Google есть даже штатный сотрудник, именуемый «веселый добрый малый», и в его обязанности входит распространение флюидов самоосознания и эмпатии⁶. Консультанты по вопросам счастья дают советы руководителям, объясняя, как им лучше всего взбодрить своих подчиненных, безработных же они учат как им направить свою энергию на работу. В Лондоне такие консультанты одно время помогали людям, насильно выселенным из своих домов, эмоционально справиться с ситуацией⁷.

Наука быстро шагает вперед, поддерживая эту тенденцию. Нейробиологи определяют, каким образом счастье и несчастье физически отображаются в мозгу (как сделали исследователи Висконсинского университета в эксперименте с Матье Рикаром), ищут объяснение в нейронах нашего мозга, почему, например, пение и зеленый цвет могут улучшить наше настроение. Они утверждают, что точно определили участки мозга, которые генерируют положительные и отрицательные эмоции, в том числе область, вызывающую при стимуляции ощущение блаженства, и область, отвечающую за боль⁸. Инновации вкупе с экспериментальными попытками «измерить собственное «я» ведут к тому, что люди начинают отслеживать свое настроение через дневники и приложения на смартфонах⁹. Когда статистика в данной области стала продвигаться вперед, «рынок счастья» сумел воспользоваться всеми этими новыми данными, чтобы создать детальную картину, отображающую, какие регионы, сти-

ли жизни, виды занятости или типы потребления наиболее благоприятны для душевной гармонии человека.

Наши надежды теперь связаны с поиском счастья, причем счастья объективного, поддающегося измерению и управлению. Настроение, которое раньше относилось к разряду субъективных понятий, теперь можно оценить с помощью непредвзятых данных. В то же время в науку радостного настроения включили достижения экономики и медицины. Так как исследования в сфере счастья становятся все более междисциплинарными, границы между утверждениями о психике, мозге, теле и экономической деятельности стираются, и никто не уделяет особого внимания философским проблемам, которые лежат в основе всех этих вопросов. Одно лишь только название индекса общей человеческой оптимизации звучит несколько пугающе и совершенно непонятно. Очевидно одно: те, кто разрабатывает технологии «производства» фактов о счастье, приобретают все больше и больше влияния, а сегодняшние вершители судеб продолжают замороженно внимать обещаниям подобных технологий.

Неужели можно быть против счастья? У философов на этот счет нет однозначной позиции. Аристотель понимал счастье как конечную цель существования человека, хотя и в более глубоком этическом смысле этого понятия. Не все могут согласиться с ним. «Человек не стремится к счастью, — написал Фридрих Ницше, — *только англичане делают это*»¹⁰. Когда с начала 1990-х годов позитивная психология и исследования на тему счастья стали все сильнее влиять на политическую и экономическую культуру, появилась оправданная тревога по поводу того, каким образом эту новую доктрину счастья и хорошего самочувствия будут использовать политики и менеджеры. Есть риск, что наука начнет порицать людей за то, что они несчастны (и, соответственно, пичкать их лекарствами), совершенно игнорируя те условия, которые послужили причиной их несчастья.

Эта книга разделяет описанное выше беспокойство. Несомненно, в мире пока что по-прежнему существует огромное количество политических и экономических проблем, требующих немедленного устранения, до того, как мы обратимся к разбору состояний мозга и нервной системы, воспринимаемых нами крайне индивидуально. К тому же волей-неволей приходится признать подозрительным тот факт, что организаторы Всемирного экономического форума с таким удовольствием ухватились за тему счастья. Технологии отслежи-

вания настроения, алгоритмы по анализу эмоций и виды медитаций для избавления от стресса — все это служит определенным политическим и экономическим интересам. Но они не просто предоставляются нам в качестве подарка для аристотелевского процветания. Позитивная психология, главная идея которой состоит в том, что счастье — личный «выбор» каждого, является результатом взаимодействия сил, не желающих показать людям выход из сетей потребительства и эгоцентричности — то есть путь, желанный для многих.

Тем не менее это всего лишь часть критики, которая представлена в данной книге. Один из нюансов идеологии науки о счастье заключается в том, что она говорит о себе как о чем-то радикально новом, о том, что она готова дать людям шанс начать все сначала, преодолеть боль, конфликты и противоречия прошлого. На заре XXI века главным инструментом для упомянутых целей служит мозг. «В прошлом мы не знали, что делает людей счастливыми, но теперь мы *знаем*» — вот как формулируется эта концепция. Теперь, когда нам доступны сложнейшие открытия о субъективном состоянии человека, просто глупо не воспользоваться ими в сферах менеджмента, медицины, психологии, маркетинга и поведенческой политики.

А что, если это психологическое «изобилие» фактически уже существовало рядом с нами последние две сотни лет? Что, если современная наука о счастье — всего лишь очередная стадия давно задуманного проекта, который предполагает, что взаимоотношения между разумом и окружающим миром поддаются математическому исследованию? Показать правомерность данных вопросов — еще одна задача этой книги. Неоднократно, начиная со времен Французской революции и заканчивая сегодняшним днем (процесс ускорился в конце XIX века), нам продавали особенную научную утопию: основные вопросы морали и политики можно разрешить с помощью компетентной науки о человеческих чувствах. Очевидно, что эти чувства классифицируются по-разному. Иногда они «эмоциональные», иногда «нервные», «поведенческие» или «психологические». Однако смысл, так или иначе, один: наука о субъективных чувствах предлагается нам как единственно верный источник алгоритма, указывающего, как нам следует действовать и в моральной, и в политической сфере.

Впервые упомянутая идея зародилась в эпоху Просвещения. Однако ее разработчики всегда были заинтересованы в социальном контроле, нередко ради собственной выгоды. К сожалению, имен-

но благодаря политике индустрия счастья шагает вперед. Критикуя соответствующую науку, я вовсе не хочу подвергать сомнению этическую ценность счастья как такового, не говоря уже о том, чтобы умалять боль тех, кто страдает от хронической депрессии и кому действительно помогают новые техники поведенческого или когнитивного менеджмента. Цель книги разобраться в использовании методик индустрии счастья в инфраструктурах измерения, наблюдения правительства.

Такие проблемы в политическом и историческом контексте заставляют задуматься о ряде других сложностей. Возможно, этот научный взгляд на наш разум как на механический и органический объект, чье поведение и болезни поддаются изучению и оценке, является вовсе не спасением от бед, а одной из наиболее глубоких культурных их причин. Вероятно, мы уже есть продукт различных преувеличенных, иногда противоречивых попыток наблюдения за собственными чувствами и моделями поведения. С конца XIX века работники рекламы, кадровые менеджеры, фармацевтические компании и сами правительства наблюдали за нами, а также поощряли, побуждали, оптимизировали и использовали нас, применяя психологию. Возможно, именно сейчас нам нужно не еще больше информации, посвященной науке о счастье или о поведении, а меньше, или, по крайней мере, нам нужна другая наука. Неужели есть вероятность того, что через 200 лет историки посмотрят на начало XXI века и скажут: «Ах да, именно *тогда* окончательно раскрылась правда о человеческом счастье»? И если вероятность этого очень мала, то почему мы продолжаем вести подобные беседы? Возможно, потому что так угодно сильным мира сего?

Означает ли, что нынешняя заинтересованность политики и бизнеса в человеческом счастье всего лишь риторическая уловка? Исчезнет ли она, стоит нам осознать невозможность устранения этических и политических проблем с помощью математики? Не совсем. Есть две серьезные причины, по которым наука о счастье внезапно стала такой важной в XXI веке, и они обе социального характера. А ведь социальное происхождение данных причин никогда не рассматривается психологами, менеджерами, экономистами и нейробиологами, которые способствуют продвижению этой науки.

Первая причина связана с природой капитализма. Один из участников встреч в Давосе высказал мысль, содержащую в себе гораздо